

*Страницы века громче
Отдельных правд и кривд.
Мы этой книги кормчей
Простой уставный шрифт.*

Борис Пастернак. «Безвременно ушедшему»

Тема «писатель (творец) и самоубийство» не может не быть завораживающей и одновременно отталкивающей, но неизменно проговаривается (хотя бы внутри себя и себе) каждым живущим. В русской литературе суицид как способ разрешить конфликт личности и общества был заявлен ещё Александром Радищевым в романе «Путешествие из Петербурга в Москву»: устами наставляющего детей отца писатель провозглашает добровольную смерть как спасение от угнетения: «Тогда вспомни, что ты человек, вспомняи величество твоё, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. — Умри». Но спустя полгода после выхода романа Указом Екатерины II от 4 сентября 1790 года Радищев признан виновным в издании книги, «наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников и начальства и наконец оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской», роман запрещён, почти весь тираж уничтожен, автор сослан в Илимский острог (смертная казнь была заменена десятилетней ссылкой).

Но запретный плод всегда сладок: роман разошёлся в списках и обрёл широкую популярность. Называя «Путешествие из Петербурга в Москву» причиной несчастья и славы автора, Пушкин отмечал посредственность произведения и его варвар-

ский слог. У читателя прежде всего вызывал интерес не сам текст, но скандал, разразившийся вокруг него.

Смерть автора, тем более самоубийство, неизменно привлекает внимание публики. Культовыми слоганами поколения 50–60-х годов XX века панк- и рок-культуры становятся две ёмкие фразы «Живи быстро, умри молодым» («Live fast, die young») и «Секс, наркотики, рок-н-ролл» («Sex, drugs & rock 'n' roll»), под этими лозунгами сторали жизни талантливейших музыкантов и актёров: Дженис Джоплин, Джим Моррисон, Джими Хендрикс, Джеймс Дин, Сид Вишес, Курт Кобейн, Эми Уайнхаус (так называемый «Клуб 27»). В самом конце 80-х Владимир Шахрин, лидер рок-группы «Чайф», в песне «Поплачь о нём» резюмирует: «Сегодня умрёшь, завтра скажут — поэт» (в 1988 году уйдёт из жизни Александр Башлачёв). В 90-е новая аранжировка Гарика Сукачёва превратила эту тихую балладу в настоящий гимн.

Вспомним здесь слова Петра Вайля и Александра Гениса: «Присовокупив к званию писателя должность трибуна, защитника всех обездоленных, Радищев основал мощную традицию, квинтэссенцию которой выражают неизбежно актуальные стихи: “Поэт в России больше, чем поэт”»¹.

«Иногда нужно умереть, чтобы начать жить» (Пауло Коэльо). Жить в своих стихах. Жить самим стихам. Но не стоит забывать, что «душа в заветной лире <...> прах переживёт» лишь при одном условии: «...доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит». Необходим читатель, но не потребитель текста, а творец (со-творец). И запретить, скрыть, сжечь текст невозможно. Он неизбежно пройдёт свой путь и обретёт читателя в любой форме и любом формате: в кожаном переплёте с золотым тиснением, в наскоро сшитых рукописных листах, в произнесённых шёпотом словах... История «Путешествия из Петербурга в Москву» доказывает актуальность самиздата, меньшую или большую его востребованность в зависимости от исторических реалий. «Опыт самиздата свидетельствует о том, что литература может развиваться — и довольно успешно, — игнорируя само понятие “книги” в том виде, в каком оно существовало последние пятьсот лет, будучи одним из фундаментальных понятий европейской культу-

---

¹ Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности. — М., 1991. Цит. по: <http://lib.ru/PROZA/WAILGENIS/literatura.txt>

ры», — в предисловии к электронной антологии «Неофициальная поэзия» пишет Виктор Кривулин. — «Самиздатская продукция напоминала не книгу, а скорее её черновик, эскиз или макет. Принцип черновика (подвальной, хтонической, необработанно-подпочвенной речи) определял и восприятие текстов»². Не книга, но черновик. Не картина, но эскиз. Не рисунок, но линия. Не человек, но силуэт, контур, абрис. Поэт (думатель, создатель), в условиях эпохи застоя был вынужден писать книгу, выдавая её за черновик, и быть существом двуликим-многоликим, не теряя собственного лица и голоса.

«Это было замечательное поколение. В 70-е годы его литературное будущее представлялось крайне гадательным, чтобы не сказать безнадежным. В высшей степени одаренные молодые поэты не вписывались в существовавший литературный контекст. По тональности, по ценностным ориентирам, по внутреннему достоинству это была другая поэзия, обреченная в собственном отечестве на допечатное существование»³, — вспоминает эти времена Игорь Волгин — организатор одной из самых влиятельных и долгоживущих московских литературных студий — «Луч», которую посещал Сергей Трофимов. Эту допечатность (догутенберговость) отмечают и сами студийцы: «Вокруг стояла если и не глухая ночь, то не менее глухие сумерки. Ровесники “с головой” старательно делали карьеру по комсомольско-общественной линии. В печать было не пробиться...»⁴, — Наталья Ванханен называет это время «Великой Скукой». Вот и в стихах Сергея Трофимова читаем: «и подыхаю я от скуки, / и страшна эта скукота» или: «я будто в сумасшедшем царстве, / и надо мной довлеет сплин» («Должно быть, странно с непривычки...»). Ощущение бесконечного одиночества и бессмысленности бытия убивает лирического героя, обвиняющего власть предрержащих и партийное устройство государства:

*Я от депрессии спасаюсь
в игре, в стихах и в табаке.*

² Кривулин В. Золотой век самиздата. URL: <https://rvb.ru/np/publication/00.htm>

³ Волгин И. Литературная студия как жанр. // Арион. — 2001. — №1. — URL: <http://www.volgin.ru/public/907.html>

⁴ Ванханен Н. Танцы в Луче // Alma mater. Литературная студия Игоря Волгина «Луч». Поэты МГУ. — М.: Фонд Достоевского; Зебра Е, 2010. — С. 59.

*Я без свободы задыхаюсь:
она ведь так невдалеке!*

*Спасибо родине, народу
и лично Лёньке Ильичу
за эти человеко-годы,
что тихо канули в мочу.*

*Спасибо ленинцам-марксистам,
где моет вор руку вора,
спасибо б...м-коммунистам,
и нашей партии — ура!*

Мотив удушья, затруднённого дыхания и необходимости молчать как знак отсутствия свободы прозвучит ещё в одном стихотворении Трофимова: «Но горечь цепкою рукой / жгла горло до удушья» и «Но если право есть — молчать, / а возражать — нет права?», но дальше сразу же оговаривается — «Ах, право, как же всё старо» («Я был спокоен. Чёрта с два!»). Действительно старо. При этом Игорь Волгин, говоря о студийной атмосфере того времени, отмечает высокий градус «внутренней свободы»: «В поэзию вступало “поколение дворников и сторожей”, пока ещё не подозревавших, что им предстоит пребывать не один год именно в этом качестве. Университетский диплом уже не обязательно становился трамплином для профессиональной карьеры. Поэты семидесятых, положим, не были в большинстве явными диссидентами, готовыми за свои убеждения выйти на площадь. Но в них начисто отсутствовали признаки того социального конформизма, который у многих из нас блистательно сочетался с вольномыслием эстетическим и даже гражданским. <...> Сама студийная атмосфера, абсолютная независимость от официоза, духовная раскрепощённость — всё это не оставляло шансов для проявления пошлости — как эстетического, так и социального порядка»⁵.

И Сергей Трофимов начинает нащупывать и осознавать многогранность-многоглубинность самого слова «свобода».

---

⁵ Волгин И. Литературная студия как жанр. // Арион. — 2001. — №1. — URL: <http://www.volgin.ru/public/907.html>

Появляется в стихах не зримый, но отчётливый тандем: свобода и воля, свобода человека и воля Бога. И стихотворение сплетает в единую ткань разные жанровые модели: клятву и частушку, христианство и язычество, высокое и низовое. А лирический герой обретает маску певца-плясуна-актёра — скомороха (в XVIII веке церковь и государственная власть обрушились на скоморошество, добившись полного искоренения).

*Говорят мне: будь умней,
водку и вино не пей,
 поступи учиться в вуз,
 кончишь вуз и будешь — туз.*

*Буду, — говорю, — умней,
водку ж брошу, ей-же-ей!
Брошу, воля коль Господня,
только завтра, не сегодня.*

В этом стихотворении провозглашается скоморошьё (шутовское) антиповедение (в том числе — алкогольная зависимость), переворачивающее с ног на голову привычный и принятый порядок вещей. При внешнем согласии лирический герой отстаивает свою позицию, при этом ссылаясь на неподвластную ему «Господню волю». Переодевание (ряжение) предполагает присвоение определённой роли с соответствующим поведением лишь на период празднества, а значит, хотя бы на время дающее право на нарушение границ-правил-норм и обрекающее на свободу слова. Площадного шута, как и юродивого, заботит только песня и только слово, а потому — «скоморох голос на гудке настроит, а житья своего не устроит».

Травестирование как художественный приём можно обнаружить в других стихотворениях Сергея Трофимова. Например: «Непонятное старанье: / кое-как концы стянули. / Не клевали б денег куры. / Хлеб, портвейн вместо воды» («Выходной»). Едва заметные изменения (лёгкая инверсия и «временной» глагольный сдвиг) смысл известного фразеологизма «денег куры не клюют» полностью перелицовывают, добиваясь зеркального отражения. В стихотворении оказывается, что именно «куры» клюют деньги, будучи причиной бедности, тогда как в ситуации полного пти-

чьего бездействия можно было бы вместо воды заполнить портвейн. Хлеб и вино. Плоть и кровь. Трапеза и жертва.

Есть в этом стихотворении строки, которые таят в себе несколько смыслов. По всем законам самиздатской литературы читатель снимает не только верхние напластования, но и важный внутренний слой. Так, в двух строках «Два звонка — отбыл повинность: / “Не приедете? Как жалко”» звучит отчётливый намёк на времена тоталитарных репрессий, ежедневного ожидания и ужаса «звонков». Стоит помнить, что начало брежневского правления — это конец «хрущёвской оттепели», это «Пражская весна», это «эпоха застоя» и обвал иллюзий 60-х. Но 70-е годы — это не 30-е и не 50-е, а потому в этом стихотворении слышна издёвка: «Не приедете? Как жалко». При этом очевиден и личностный, и поэтический рост Трофимова: юношеский максимализм и зубоскальство заменяются грустной философичностью: «Славь находчивость свою, / воплощённую невинность: / “Ветрено, дождливо, марко”». В ассоциативном ряду «блестит» фраза-рассуждение Ильи Семёновича Мельникова, персонажа киноленты «Доживём до понедельника»: «В безличных предложениях есть какая-то безысходность. Моросит. Ветрено. Темнеет. Знаешь, почему? Не на кого жаловаться и не с кем бороться».

Безысходность — движение по кругу. Существование в замкнутом пространстве и невозможность выйти за его пределы. Тотальное одиночество. Безысходность, рождающая раздвоенность.

*Снег и дождь — по лугам и по крышам.
Все дороги мои — круги.
Я курю у окна и слышу
за дверями свои шаги.*

Отчётливее слышится голос Трофимова в другом стихотворении:

*Границей ограничен силуэт.
И профиль обведён застывшей тенью.
Луна в косой очерченный просвет
проглядывает месяцем весенним.
Мой контур обежал пунктир дождя.
Я прочь пошёл, но капли не слетали
на землю, а всё так же обтекали
зигзаг в пространстве, там, где ждал тебя.*

Два стихотворения, которые созданы не наивным идеалистом, а мужающим поэтом. И этот страшный путь к обретению собственного голоса и своего слова концентрирует читательскую (человеческую) боль утраты. Самовольно и «безвременно ушедший», заполучивший свободу такой ценой.

Стихотворение Пастернака «Безвременно ушедший» посвящено молодому поэту Николаю Дементьеву, который в 1935 году покончил с собой (ему было 28 лет). Его судьба была другой, но линии соположения можно провести: поэты, проходившие лечение в психиатрических клиниках и рано решившие расстаться с этой жизнью. В стихах Трофимова нет имени или любой другой отсылки, но ассоциации в читательском сознании возникают. Возможно, их рождение сопряжено со строками трофимовского стихотворения «Выходной»: «Книг сомкнутые шеренги, / как бывалые солдаты: / Чосер. Бернс. Петроний. Келлер. / Глянец всех цветов горит». Это четверостишие заставляет вспомнить другие строки: «А в походной сумке — / Спички и табак, / Тихонов, Сельвинский, Пастернак...» Стихотворение Эдуарда Багрицкого — то самое, обращённое к Николаю Дементьеву («Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым»), в котором, кстати, действие происходит осенью. И в тексте Трофимова читаем дальше: «Разрушающая осень. / Созидающая память / не пропустит ничего: / отдан долг, но крепки узы, / и прощения не просит / неразумный в сердце камень — / надо бы простить его...» И тогда, держа крепко наши знания о Дементьеве и не отпуская стихотворения Багрицкого, эти финальные строки позволяют догадаться об авторском замысле, его противоречивых и противоречащих «смертельных» размышлениях. Поэт не признаёт вины, но просит читателя его простить (и Дементьева, и себя, и любого взявшего себе таким — самоубийственным — образом право быть свободным): «и прощения не просит / неразумный в сердце камень — / надо бы простить его...»

Скудные биографические сведения и всего несколько стихов, но честный духовный путь.

Как тут не вспомнить знаменитое:

«— В учебнике о нём — всего пятнадцать строчек...

— ...От большинства людей остаётся только тире между двумя датами».